На правах рукописи

Мастяева Ирина Николаевна

**ОБРАЗ НОВИЦИЯ В НОРМАТИВНЫХ И
ДУХОВНОНАЗИДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XII в.**

Специальность 5.6.2 – всеобщая история (Средние века)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2025

Работа выполнена в Отделе западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени Института всеобщей истории Российской академии наук

Научный руководитель: **Уваров Павел Юрьевич,**
доктор исторических наук,
член-корреспондент РАН

Официальные оппоненты: **Филиппов Игорь Святославович,**
доктор исторических наук, профессор
исторического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Редькова Ирина Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент
кафедры всеобщей истории Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь).

Защита состоится «29» октября 2025 г. в ___ час. на заседании диссертационного совета 24.1.042.01. при Институте всеобщей истории РАН по адресу: 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А, ауд. 1406.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте <http://iviran.ru>

Автореферат разослан « » _____ 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук

Тогоева Ольга Игоревна

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы. Начиная со 2-ой половины XX в. западноевропейское монашество XII в. привлекает все более пристальное внимание историков в контексте изучения духовной культуры и социальных институтов Средневековья. Одним из ключевых элементов монашеской жизни, начиная с конца XI в. становится новициат – период испытания и обучения взрослых кандидатов в монахи, когда формируются основы их духовного облика и идентичности.

XII столетие известно не в последнюю очередь как эпоха духовного подъема и церковных реформ в Западной Европе: растет общее число монашеских общин, возникают новые ордена (цистерцианцы, картезианцы, премонстранты и др.) и общины уставных каноников, усиливается внимание к внутренней жизни клира. Новые ордены отказываются от традиционной практики приема в монастырь облатов (детей, которых передавали в обитель родители), настаивая на необходимости сознательного выбора монашеского пути, который может сделать только взрослый человек. В традиционных бенедиктинских обителях, включая Клуни, практика приема новициев также начинает постепенно распространяться. В этих условиях институт новициата приобретает особую значимость, поскольку именно через подготовку новициев теперь осуществлялась передача духовного опыта и поддерживалась преемственность в обители.

Образ новиция, запечатленный в монастырских уставах, сборниках обычаев (*consuetudines*) и духовно-назидательной литературе, отражает систему ценностей и идеалы средневекового монашества. Обращение к образу новиция в письменных источниках XII в. позволяет выявить, как сами монахи осмыслили этап вступления в обитель и какие качества считали наиболее значимыми для будущего монаха. Исследование этого образа позволяет лучше понять не только воспитательные практики и повседневность монашеских общин, но и более широкие культурные процессы XII в., связанные с обновлением церковной жизни в стремлении к духовному совершенству (включая григорианскую реформу), зарождением университетской педагогики

и «открытием индивида» (К. Моррис) – возрождением интереса к внутреннему миру человека¹.

Географические рамки исследования охватывают территорию Франции, Англии и Священной Римской империи, где были сосредоточены основные обитатели, реформированные в XI–XII вв. **Хронологические рамки исследования:** работа охватывает период второй пол. XI – XII вв., когда новициат оформляется как структурный элемент монашеской жизни и приобретает устойчивую форму.

Объект исследования – образ новиция в мужских монастырях и общинах уставных каноников XI–XII вв.

Предмет исследования – формирование института новициата отраженное в нормативных и дидактических текстах, авторы которых были членами монашеских орденов или общин уставных каноников.

Историография. Степень изученности проблемы. В классических трудах по истории монашества проблема воспитания и жизни новициев затрагивалась лишь в общем контексте монографий о монашеских орденах или духовности Средневековья. Уже в XIX – начале XX вв. историки-медиевисты (Л.П. Карсавин² и др.) описывали западноевропейское монашество, опираясь прежде всего на уставные предписания, однако уделяли основное внимание организации орденов и роли крупных аббатов, не выделяя специально институт новициата. В середине XX в. появились работы, в которых затрагивались вопросы монашеского воспитания и обучения – например, исследования П. Рише³. Западные ученые обратили внимание на отдельные памятники, связанные с наставлением новициев: так, трактат Гуго Сен-Викторского «О наставлении новициев» (*De institutione novitiorum*) анализировался с точки зрения его педагогического

¹ Morris C. The Discovery of the Individual, 1050–1200. L., 1972.

² Карсавин Л.П. Монашество в средние века. СПб., 1912; Он же. Очерки религиозной жизни в Италии в XII–XIII вв. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1912.

³ Riché P. Éducation et culture dans l'Occident barbare: VI–VIII siècles. P., 1962.

содержания⁴, и в контексте концепции «дисциплины тела»⁵. В последние несколько десятилетий вышел ряд работ, посвященных непосредственно теме новициата, а ряд исследователей, среди которых в первую очередь стоит упомянуть И. Кошелен⁶, изучили правила и обычаи отдельных орденов применительно к приему новых членов. Тем не менее, большинство этих трудов фокусируется либо на каком-то одном источнике, либо на практике конкретного ордена. Исключение составляет работа М. Брайтенштайна, – комплексное исследование института новициата, приведенное на материале сразу трех монашеских орденов: клюнийского, цистерцианского и францисканского⁷. Однако даже в ней основной акцент делается на институциональную сторону новициата и духовно-дидактическая литература задействована недостаточно. Также в связи с выбором автора ограничиться тремя орденскими традициями, за рамками исследования остался важный пласт источников, касающийся уставных каноников.

Отечественная историография западного монашества начала формироваться ещё в дореволюционный период, когда И.М. Гревс в Петербурге и В.И. Герье в Москве заложили основы академического изучения духовной культуры Запада⁸. Их под-

⁴ *Stammbeger R.M.W.* «Via ad ipsum sunt scientia, disciplina, bonitas»: Theorie und Praxis der Bildung in der Abtei Sankt Viktor im zwölften Jahrhundert // «Scientia» und «Disciplina»: Wissenstheorie und Wissenschaftspraxis im 12. und 13. Jahrhundert / Hrsg. R. Berndt, M. Lutz-Bachmann, R. M. W. Stammbeger, A. Fidora, A. Niederberger. B., 2002. S. 91–126.

⁵ *Thomas J.* Discipline cléricale et contrôle du corps dans les manuels pour novices (XIIe–XIIIe siècles) // *Les Dialectiques de l'ascèse* / Éd. B. Pérez-Jean. P., 2011. P. 197–212.

⁶ *Cochelin I.* Peut-on parler de noviciat à Cluny pour les Xe–XIe siècles? // *Revue Mabillon. Nouvelle série.* 1998. № 9(70). P. 17–52.

⁷ *Breitenstein M.* Das Noviziat im hohen Mittelalter: Zur Organisation des Eintrittes bei den Cluniazensern, Cisterziensern und Franziskanern. Münster, 2008.

⁸ Подробнее см.: *Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.: СПб., 2016.

ход сочетал внимание к церковным институциям и стремление к сопоставительному анализу.

Советский период, несмотря на идеологические ограничения, сохранил интерес к духовной культуре Средневековья. Особенно примечательна работа Н.А. Сидоровой, которая работала над сюжетами в рамках марксистского подхода и анализировала борьбу городской и теократической партий в XII в., но при этом уделяла внимание фигурам Бернарда Клервоского и Абеяра как представителям противоположных духовных и интеллектуальных традиций⁹. Перевод «Истории моих бедствий» под её редакцией стал важным событием в отечественной историографии.

С 1990-х гг. интерес к изучению средневековой педагогики и монашеской культуры значительно усилился. П.Ю. Уваров, подготовил первое за долгое время исследование на русском языке, посвященное средневековой университетской педагогике – основной конкурентке монашеской системы воспитания¹⁰.

Параллельно активизировалась переводческая деятельность. Перевод «Дидаскаликона» Гуго Сен-Викторского (А.В. Клестов)¹¹ и публикация фрагментов других текстов в хрестоматиях

⁹ Сидорова Н.А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции (К вопросу о реакционной роли католической церкви в развитии средневековой культуры). М., 1953.

¹⁰ Уваров П.Ю. Парижский университет XIII – нач. XIV вв. и общественная жизнь средневекового французского города. Дисс. канд. ист. наук. М. 1983.

¹¹ Гуго Сен-Викторский. Дидаскаликон. Об искусстве обучения / Пер. с лат., статья и комментарии А.А. Клестова. М.; СПб., 2016; *Он же*. Семь книг назидательного обучения, или Дидаскаликон. Отрывки / Пер. с лат. Ю.П. Малинина // Антология педагогической мысли христианского Средневековья: Пособие для учащ. пед. колледжей и студентов вузов: В 2 т. Т. 1. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. М., 1994. С. 52–93; *Он же*. О трех важнейших обстоятельствах деяний, сиречь лицах, именах, местах / Перев., комм., статья С.Г. Мереминского // Историописание и историческая мысль западноевропейского средневековья: Практикум-хрестоматия в 3 кн. Кн. 2.: X–XIV века. / Авт.-сост.: М.С. Бобкова [и др.]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2011. С. 92–103.

1990-х и 2000-х гг. сделали возможным более глубокий анализ средневековых педагогических стратегий. Эти публикации открыли широкий доступ к первоисточникам, необходимым для сравнительного анализа разных традиций монашеского воспитания.

В настоящее время культурно-антропологический подход при изучении средневекового монашества применяют в своих исследованиях И.М. Арнаутова и И.С. Редькова. Первая акцентирует внимание на телесности, ритуалах и повседневности¹². Вторая анализирует восприятие пространства в религиозных текстах, показывая, как структура текста отражает и формирует духовную иерархию¹³. Эти работы расширяют традиционное понимание монашества как исключительно духовной практики, включая в анализ вопросы дисциплины, архитектуры, ритуала.

Важно также упомянуть научно-справочные публикации: статьи А.А. Ткаченко в «Православной энциклопедии» (в частности, о новициате) содержат современную научную библиографию и краткое систематическое изложение источников, что делает их полезными даже для академических исследований¹⁴.

Наконец, новейшие диссертационные исследования – Е.А. Кузьменко о повседневной жизни немецких цистерцианцев и Ю.А. Ефремовой о восприятии труда и природы цистерцианцами XII в. – свидетельствуют о расширении исследовательского поля¹⁵. Появление этих работы демонстрирует наличие устойчивого интереса в отечественной историографии к средневековому монастырю как пространству телесной и духовной трансформации.

¹² Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004

¹³ Редькова И.С. Город глазами средневекового монаха по экзегетическим текстам первой половины XII в. М.; СПб., 2020.

¹⁴ Ткаченко А.А. Новициат // Православная энциклопедия. М.: «Церковно-научный центр “Православная энциклопедия”», 2023. Т. 51. С. 552–555.

¹⁵ Кузьменко Е.А. Монастырская повседневность немецких цистерцианцев в визионерских текстах XIII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016; Ефремова Ю.А. Природа в цистерцианской традиции XII века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

Однако в целом тема монашеского новициата остается недостаточно изученной, как в зарубежной, так и в отечественной историографии, что определяет научную новизну и значимость данного исследования.

Цель исследования – проанализировать, как в источниках XII в. формируется представление о новиции как о переходной фигуре между мирянином и монахом, и какие дисциплинарные, духовные и повседневные практики использовались для его воспитания и включения в монашеское сообщество.

Для реализации поставленной цели предполагается решить следующие **задачи**:

1. Охарактеризовать исторические предпосылки формирования новициата как института и его отличия от более ранней практики приёма облатов.

2. Проанализировать ключевые источники рубежа XI–XII вв. (сборники обычаев, трактаты, послания и жития), содержащие упоминания о новиции, его обязанностях, статусе и образе жизни.

3. Выявить элементы дисциплинарной практики, направленные на телесное, пространственное и речевое регулирование поведения новициев.

4. Исследовать педагогическую и духовную роль наставника новициев (*magister novitiorum*) в процессе трансформации новиция в монаха.

5. Проследить, как образ новиция служит средством выстраивания монашеской идентичности и символической границы между миром и обителью.

6. Сопоставить особенности новициата в разных монашеских традициях (клюнийской, цистерцианской, викторинской и др.).

Источники. Основу источниковой базы исследования составляют письменные памятники XII в., относящиеся к двум большим категориям: нормативные тексты монашеских сообществ и духовно-назидательная литература. К первой категории относятся монашеские уставы и сборники обычаев (*consuetudines*) орденов и отдельных обителей, задающие офи-

циальные требования к новичиям и устройству новичиата¹⁶. Прежде всего, это Устав св. Бенедикта Нурсийского, оставшийся в XII в. основным уставом бенедиктинских монастырей (глава 58 «О принятии братьев» регламентирует испытание новых кандидатов)¹⁷. Также в анализе были задействованы Устав Блаженного Августина и каролингский Ахенский устав, оказавшие большое влияние на формирование обычаев уставных каноников¹⁸. Кроме того, привлекаются нормативные документы новых орденов изучаемого периода: например, «Церковные обязанности» (*Ecclesiastica officia*) цистерцианцев¹⁹. Нормативные источники позволяют установить формальные критерии отбора и этапы подготовки новичиев: требование свободного волеизъявления, испытательный срок (обычно год), обряды пострижения и принесения обетов, запреты и ограничения для будущих монахов.

К духовно-назидательным источникам относятся разнообразные по жанру тексты, созданные опытными монахами для наставления братьев, прежде всего новичиев. Центральное ме-

¹⁶ *Bernardi Ordo Cluniacensis // Vetus disciplina monastica / Cura et studio M. Herrgott O.S.B. P., 1726; Udalricus Cluniacensis monachus. Antiquiores Consuetudines Cluniacensis monasterii collectore Udalrico monacho benedictino // Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. P., 1853. Vol. 149. Col. 635–914; Guigues 1^{er} prieur de Chartreuse. Coutumes de Chartreuse / Tr. et notes par un Chartreux. La Grande Chartreuse, 1984; Anon. Ecclesiastica officia // Les Monuments primitifs de la règle cistercienne, publiés d'après les manuscrits de l'abbaye de Cîteaux / Éd. Ph. G. Dijon, J.-E. Rabutot, P., 1878. P. 87–245; Anon. Les Statuts de Prémontré au milieu du XIIe siècle / Éd. P.F. Lefèvre, W.M. Grauwen. Averbode, 1978; Anon. Constitutiones Canonorum Regularium Ordinis Arroasiensis / Éd. L. Milis, J. Becquet. Turnhout, 1970; Anon. Liber Ordinis Sancti Victoris Parisiensis / Éd. L. Jocqué, L. Milis. Turnhout, 1984.*

¹⁷ *Benedictus Nursiae. La Règle de saint Benoît: texte, traduction et commentaire / Éd. Ad. de Vogüé. P., 1971–1977. 6 vol.*

¹⁸ *Verheijen L. La règle de saint Augustin. P., 1967. 2 vol.; Anon. Institutio Canonorum Concilii Aquisgranensis // Bertram J. The Chrodegang Rules. The Rules for the Common Life of the Secular Clergy from the Eighth and Ninth Centuries. Critical Texts with Translations and Commentary. L., 2005. P. 96–131.*

¹⁹ *Anon. Ecclesiastica officia.*

сто среди этих источников занимает трактат Гуго Сен-Викторского «О наставлении новициев» (*De institutione novitiorum*) — первый в Западной Европе духовно-назидательный текст, специально посвященный новициям. В нём последовательно изложены основы духовного воспитания: значение послушания, смирения и умерщвления собственной воли, дана детально разработанная программа формирования новicia — от дисциплины тела до молитвенного чтения и созерцания²⁰.

Кроме трактата Гуго, с точки зрения анализируемой темы особое значение имеют также сочинения Бернара Клервоского: трактат «О ступенях гордыни», письма к монахам об искушениях и послушании, а также проповеди, направленные на внутреннее преобразование монаха через покаяние и любовь²¹.

Дополняют корпус используемых источников труды Гильома из Сен-Тьерри и Элреда из Риво, предлагающих более аффективную педагогику, основанную на любви и личном опыте²². Важно также упомянуть трактаты Филиппа из Бон-Эсперанс и Петра Целлийского, отражающие многообразие подходов к воспитанию — от строго дисциплинарного до мягкого, основанного на заботе и внимании к ученику²³.

Отдельную группу источников составляют эпистолярные и агиографические памятники, позволяющие увидеть чуть более живой и повседневный образ новicia.

Теоретические и методологические основы исследования. Исследование проводится в рамках историко-культурного анализа с использованием сравнительно-исторического и филологического методов. Следует также отметить, что анализ образа

²⁰ Hugues de Saint-Victor. *De institutione novitiorum*.

²¹ *Sancti Bernardi Opera*.

²² *Guillaume de Saint-Thierry*. *Lettre aux frères du Mont-Dieu* (*Lettre d'or*) / *Intr.*, *texte critique*, *trad. et notes par J. Dechanet, OSB. P.*, 1975; *Aelredus Rievallensis*. *Op. cit.*

²³ *Philippus Bonae Spei*. *De institutione clericorum tractatus VI* // *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina* / *Ed. J.-P. Migne. P.*, 1855. Vol. 203. Col. 807–1206; *Pierre de Celle*. *L'école du cloître* / *Intr.*, *texte critique*, *trad. et notes par G. de Martel. P.*, 1977.

новиция требует комплексного междисциплинарного подхода. Если ранее новициат преимущественно рассматривался в историографии в рамках институциональной истории как элемент монастырской структуры, то современные исследования смещают фокус на его культурные, телесные и педагогические аспекты. Настоящая работа следует этой исследовательской перспективе и использует подходы, сложившиеся в рамках социальной истории институтов, культурной истории и истории повседневности.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые принята попытка цельного анализа образа новиция на материале разнородных источников XII в. – уставных, дидактических, эпистолярных и агиографических. В рамках исследования выявлены ключевые черты идеального новиция, систематизированы представления о его добродетелях и обязанностях. Впервые в отечественной медиевистике проведено сравнение подходов к новициту в разных монашеских традициях указанного периода (бенедиктинской, реформированных орденов и уставных каноников). Показывается, что, несмотря на общую опору на бенедиктинский устав, подход каждого монашеского объединения к воспитанию новициев имел свои особенности: цистерцианцы делали упор на строгость дисциплины и личное смирение, тогда как клюнийцы уделяли внимание литургическому воспитанию и послушанию и т.п. Новым является и привлечение в качестве источниковой базы широкого круга духовно-дидактических текстов, ранее не рассматривавшихся одновременно с нормативными.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии методов исторической антропологии применительно к истории религиозных институтов.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее выводы и собранный источниковый материал могут быть использованы при дальнейших исследованиях по истории западноевропейского монашества, истории повседневности и религиозной культуры. Результаты исследования могут найти применение в подготовке спецкурсов и лекционных модулей по истории Средних веков, истории церкви и христианского монашества, а

также при разработке сравнительных исследований по истории воспитательных институтов и истории педагогики.

Апробация исследования. Основные положения и результаты диссертации были изложены автором в ряде научных публикаций и докладов. По теме диссертации опубликовано 7 работ (общим объемом 2,1 п.л.), из них 3 статьи – в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Материалы диссертации использовались при проведении семинарских занятий со студентами-историками, что подтвердило их научно-методическую ценность.

Выносимые на защиту положения исследования:

1. Новициат в общинах монахов и уставных каноников XII в. функционировал как особая педагогическая и дисциплинарная система, обеспечивавшая постепенную трансформацию кандидата в монаха.

2. Образ новicia представляет собой культурную конструкцию, служащую для выстраивания границ между внешним миром и монастырем, а также для формирования идеального образа монаха.

3. Регламентация повседневной жизни новicia — сна, питания, речи, одежды, тела — направлена на приучение к послушанию и смирению как основам монашеской духовной дисциплины.

4. Наставник новiciaев (*magister novitiorum*) выполнял ключевую роль в передаче норм жизни в обители и в духовном формировании будущего монаха, сочетая в своих действиях надзор, преподавание и духовное руководство.

5. Целью новiciaта было воспитание нового монаха, человека, стремящегося к единению с Богом, а не интеллектуала, поэтому обучение светским наукам или богословию не входило в программу новiciaта.

6. Сравнение различных монашеских традиций XII в. свидетельствует о существовании как общей модели новiciaта, так и значительных различий, связанных с идеалами послушания, формами дисциплины и типами педагогического взаимодействия между наставником и новiciaем принятыми в конкретном ордене или обители.

Структура представленного диссертационного исследования обусловлена целью и задачами работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка источников и литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность избранной темы, определены объект, предмет, хронологические и географические рамки исследования, проанализирована степень разработанности проблемы (дан историографический обзор), охарактеризована источниковая база, сформулированы цель и задачи исследования, изложена методология исследования, а также отмечены научная новизна и практическая значимость работы; приведены сведения об апробации результатов исследования.

Глава I, **«Статус новиция»**, посвящена институционализации новициата в монашеской культуре латинского Запада. На основе нормативных источников XI–XII вв. анализируется формирование новициата как особого этапа в жизни будущего монаха и воспитательной практики.

В первом параграфе, **«Исторический контекст появления новициата»**, рассматриваются культурные и социальные изменения, способствовавшие его возникновению. Демографический рост, появление городских интеллектуалов и усиление интереса к внутреннему опыту личности побудили монастыри к созданию собственной модели образования и духовного воспитания. Новициат стал механизмом подготовки взрослого кандидата, сочетающим элементы наставничества, отбора и социализации. Отказ от практики приёма детей в новых монашеских орденах также способствовал оформлению новициата как обязательной ступени на пути в монашество.

Во втором параграфе, **«Кто такой новиций?»**, раскрывается статус новиция как переходной фигуры между миром и обителью. Его положение отличалось от других неполноправных категорий насельников монастыря – облатов (отданных в обитель родителями в детстве) и конверсов (братьев-мирян, которые не могли стать монахами). Институализация статуса новиция отражает стремление монашества XII в. структурировать процесс

вхождения в братство, чтобы сохранить внутреннее единство и преемственность.

В третьем параграфе, **«Разные пути к статусу новиция»**, рассматриваются критерии приёма кандидатов. Монашеские сборники обычаев, особенно в аббатстве Хирзау, фиксируют типологию новициев в зависимости от их жизненного пути: от мирян до монахов других орденов. Возросшая мобильность между обителями и конкуренция между монашескими формами жизни обострили вопросы легитимности приёма. Новициат стал не только образовательной ступенью, но и механизмом отбора, направленным на защиту духовной идентичности братства.

В четвёртом параграфе, **«Ритуал приёма: структура и символика»**, анализируются этапы вступления: от подачи прошения до облачения и принесения обетов. Эти ритуалы приобретают символическое и дисциплинарное значение. Облачение новициев, а также особенности литургических действий по отношению к ним подчеркивали неполноту их статуса. В отдельных общинах даже после принесения обетов для новициев сохранялся дополнительный переходный период, когда они еще не обладали всеми правами и обязанностями братьев. Эти практики отражают сложный процесс интеграции в монастырское сообщество.

В пятом параграфе, **«Проблема возраста»**, рассматривается переход от принятия облатов к приему взрослых новициев, сознательно вступающих на монашеский путь. В новых монашеских орденах устанавливаются минимальные возрастные рамки (обычно от 15 лет) для желающих вступить в обитель, тем самым подчёркивая важность сознательного вступления. При этом традиционные бенедиктинские обители, включая Ключи, продолжают практику приёма облатов, не отказывая и новициям.

Шестой параграф, **«Внутренняя иерархия среди новициев»**, раскрывает систему старшинства внутри новициата. Старшинство, образование, священнический сан и происхождение формировали сложную иерархию. Грамотным новициям доверяли работу в скриптории, клирики проходили дополнительную подготовку, а воспитанники обители пользовались особым довери-

ем. Эта внутренняя дифференциация облегчала интеграцию всех кандидатов и позволяла не нарушать распорядок жизни общины.

Вторая глава, «**Быт новичиев**» посвящена исследованию повседневной жизни новичиев в монашеских и канонических общинах латинского Запада XII в. В центре внимания — практики, формирующие телесную, пространственную и речевую дисциплину, а также система воспитания, в которой новичий осваивал нормы монашеской жизни не только через чтение и наставления, но прежде всего через включённость в телесно-регламентированную среду. Через ограничение движений, речи, социальных связей и ощущений новичий шаг за шагом усваивал особый образ жизни, в котором дисциплина становилась не внешним давлением, а внутренним навыком.

Первый параграф, «**Пространственная изоляция новичиев**», анализирует архитектурные и ритуальные формы отделения новичиев от остальной братии. Изучаются запретные зоны (хор, капитул, трапезная), принципы частичного допуска и режим внутреннего надзора. Показывается, как через пространственные ограничения подчёркивался переходный статус новичия: он ещё не был частью общины, но уже покинул мир. Кроме того, рассматриваются практики ограничения контактов с внешним окружением, в том числе запреты на разговоры с посторонними и символические меры, направленные на разрыв с прежней социальной идентичностью.

Во втором параграфе, «**Дисциплина тела: теория и практика**», раскрывается, каким образом телесность становилась ключевым объектом воспитания. На основе трактатов Гуго Сен-Викторского, Элреда из Риво и монастырских обычаев показывается, что дисциплина охватывала всё тело: от осанки и походки до манеры молчать, есть, класть руки и даже двигать зрачками. В повседневной практике эта дисциплина реализовывалась через строгий режим дня, ритуализированный труд и навык внутреннего самоконтроля. Обсуждаются и нормативные установки, и реальные практики, зафиксированные в свидетельствах о повседневной жизни монахов.

Третий параграф, «**Молчание и язык жестов**», посвящён значению молчания как неотъемлемой части монашеской аскезы.

Речь идёт не о полном безмолвии, а о сложной системе регламентированных форм общения, где каждый акт речи был строго ограничен по месту, времени и кругу допустимых лиц. Для компенсации этой ограниченности развивались системы знаков — особенно в клюнийской традиции, где был создан богатый язык жестов, охватывающий сотни понятий. Новичий обязан был усвоить эту систему с первых дней пребывания в монастыре, поскольку с ее помощью происходила адаптация к правилам общения внутри монастырской общины. Сравняются различные подходы к молчанию — от клюнийского языка жестов до картезианского идеала почти полной немоты.

В четвёртом параграфе, **«Преступления и наказания в монашеских общинах XII в.»**, рассматриваются механизмы дисциплинарного контроля и воспитательного воздействия. Исследуется, как идеи Устава св. Бенедикта и Ахенского устава были адаптированы в обычаях конкретных монастырей и монашеских орденов. Особое внимание уделяется дифференцированному подходу к проступкам и наказаниям: от наставлений и постов до изоляции, публичного покаяния и телесных наказаний. Разбираются также особенности наказаний для новичиев, а также символическая и педагогическая значимость ритуала возвращения беглеца в общину. Заключительный раздел параграфа посвящён нарушениям обета целомудрия, воспринимавшимся как особенно тяжкие проступки, ставившие под угрозу духовную чистоту всей братии и вызывавшие серьезные ответные меры со стороны общины.

В третьей главе, **«“Внутренний человек”: дисциплина духа и формирование личности новичия»**, рассматривается, как в монашеской среде XII в. складывалась особая педагогика, целью которой было внутреннее преобразование человека. В главе анализируется в как монашеской традиции развивались практики, направленные на дисциплину тела, воли, памяти и чувств, и как наставник сопровождал новичия в этом процессе. В итоге, через послушание, *lectio divina*, работу с эмоциями и следование примеру наставника происходило не просто обучение, но духовное перерождение.

В первом параграфе, «**Антропология монашеской личности: тело, душа, дух**» описывается структура человека, в понимании христианских авторов: тело, душа и дух — три уровня, через которые монах поднимается к Богу. Тело дисциплинируется через аскезу, душа — через очищение мыслей, дух — через молитву. Влияние Блаженного Августина и Кассиана прослеживается в идее единства воли, памяти и разума, характерной для монашеских авторов XII в. Из этой концепции вырастает цель монашеской педагогики: не просто подчинить тело, а сформировать «внутреннего человека» (*homo interior*) (Рим. 7:22) — способного к любви, созерцанию и свободе.

В параграфе «**Смирение и послушание как внутренние добродетели**» послушание переосмысливается как духовная практика, а не просто телесное подчинение. Описывается, как в XI в. акцент в дидактической монашеской литературе смещается от «сокрушения воли» к её сознательной перестройке: монах подчиняется не по принуждению, а по доверию и любви к Богу. В различных орденах (бенедиктинцы, цистерцианцы, викторинцы, премонстранты) послушание выступает как путь к зрелости: акт согласия воли с добром, средство очищения и духовного роста. Наставник в такой воспитательной концепции — не просто надзиратель, но пример, пастырь и соучастник внутреннего преобразования новicia.

В третьем параграфе, «**Эмоции в духовной педагогике XII в.: страх, стыд, любовь**», анализируется роль чувств в воспитании новicia. Эмоции здесь не стихийны, а структурированы: страх, стыд и любовь формируют восходящую лестницу внутренней трансформации. Страх — начальный этап, дисциплинирующий волю; он не парализует, а заставляет обратить все свое внимание к Богу. Стыд — следующая ступень, формирующая совесть и чувство ответственности. Наконец, любовь — это цель и двигатель духовной жизни: в ней раскрывается зрелость монаха, возможность свободного следования Богу. В трактатах Бернарда Клервоского, Элреда из Риво и др. страх и стыд описываются как подготовка к *caritas* (милосердной любви), а сама любовь — как вершина воспитания. Таким образом, чувства также становятся инструментами воспитания.

В четвертом параграфе, «*Lectio divina* и дисциплина памяти», рассматривается практика «молитвенного чтения» как один из ключевых инструментов воспитания новicia. Эта форма чтения требовала не просто грамотности, а внутренней готовности к духовной работе, а потому в своих наиболее развитых формах оставалась практикой доступной в немногих монашеских интеллектуальных центрах (значительная часть обитателей не требовали от новiciaев знаний, превышающих необходимые для участия в литургической жизни общины). «Молитвенное чтение» включало четыре ступени: чтение, размышление, молитву и созерцание. Каждая из них формировала внимание, память, чувства и открытость к благодати. Особое внимание уделяется дисциплине памяти и отбору текстов для чтения: Священное Писание, отцы Церкви, жития святых. Также анализируется как *lectio divina* противопоставлялась методам преподавания городских магистров – схоластическому диспуту. Монашеские авторы, такие Петра Целлийского и Бернарда Клервоского защищали монастырскую модель как путь трансформации, а не демонстрации. Таким образом, чтение становилось не техникой, а способом жизни — педагогией памяти и сердца.

В заключительном пятом параграфе «**Наставник новiciaев**» анализируется центральная фигура духовной педагогики XII в. — наставник новiciaев. Наставник выступает не просто как административное должностное лицо, но как духовный медиатор, соединяющий внешнюю дисциплину с внутренним формированием будущего монаха. Он не только обучает правилам, но и воплощает собой образец, через который новiciaий приобщается к духовной жизни.

В параграфе прослеживается разнообразие педагогических моделей в различных монашеских традициях. Так, в бенедиктинской среде, особенно в Ключи, наставник традиционно делал акцент на послушание и соблюдение иерархии. При этом уже в конце столетия бенедиктинец Пётр Целлийский предлагал мягкую модель наставничества: не власть, но врачевание совести. У викторинцев же фигура наставника почти исчезает – акцент смещается на самостоятельную духовную работу новiciaя.

Наиболее развитая модель наставничества представлена у цистерцианца Элреда из Риво: наставник – это духовный отец, друг и спутник, руководствующийся любовью, а не страхом. Его педагогика строится на соприсутствии, доверии и мягкости. Премонстранты, в свою очередь, совмещают строгость и пастырскую чуткость, подчёркивая, что личный пример важнее слов.

Таким образом, наставник новициев в XII в. — не инструмент принуждения, а духовный учитель и ментор. Он передаёт не столько знания, сколько стиль жизни, совмещая дисциплинарную педагогику с педагогией любви.

В **Заключении** сформулированы основные выводы исследования. Проведенный анализ источников показал, что в сознании средневековых монахов новиций занимал промежуточное положение между мирянином и полноправным членом общины. Образ идеального новиция сочетал в себе черты послушника и стремящегося подвижника: от него ожидалось одновременно детская простота и готовность учиться, с одной стороны, и зрелая решимость в отречении от мира – с другой. Нормативные тексты XII в. позволяют реконструировать достаточно единообразный портрет новициев: кроткие, молчаливые, усердные в трудах, покорные наставникам. Духовные авторы дополняли этот портрет акцентом на внутренней мотивации – любви к Богу, ради которой новиций терпит лишения.

В ходе исследования выявлено, что институт новициата был гибким инструментом, который монашеские общины использовали для отбора новых братьев и поддержания высокого уровня дисциплины. В периоды активного роста числа монашествующих (как это было в XII в.) уставы, обычаи и наставления для новициев служили фильтром, препятствующим проникновению в обитель случайных людей или неготовых по духу: об этом свидетельствует ужесточение требований к кандидатам в монахи в новых орденах. Одновременно существовал и противоположный риск – чрезмерная строгость могла отпугнуть искренние души, поэтому опытные наставники (Гуго Сен-Викторский, Элред из Риво и др.) призывали к милосердному отношению к немощам новициев. Баланс строгости и милосердия, характер-

ный для тона изученных источников, указывает на высокую значимость, которую монашество XII в. придавало этапу новициата.

Исследование образа новиция в источниках позволило лучше понять ценностные ориентиры западноевропейского монашества XII в. Успех новициев был залогом будущего общины, поэтому их обучению уделялось столь пристальное внимание. Сделанные выводы расширяют представления о внутренней жизни средневековых монашеских общин и закладывают основы для дальнейших исследований в области истории повседневной и духовной жизни Средних веков.

**Статьи, опубликованные в журналах из Перечня ВАК
Минобрнауки РФ или индексируемых в базах данных
Web of Science и Scopus:**

1. *Мастяева И.Н.* Новициат в парижском аббатстве Сен-Виктор в XII веке: дисциплина тела // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2022. Вып. 83(3). С. 54–79. DOI: 10.7868/S0131878022030035. (Перечень ВАК, Scopus).

2. *Мастяева И.Н.* Неурядицы в жизни монахов аббатства Сен-Виктор в Марселе на рубеже XIII–XIV вв. (по статутам Гильома де Сабрана) // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2023. Вып. 84(4). С. 71–88. DOI: 10.7868/S0131878023040049. (Перечень ВАК, Scopus).

3. *Мастяева И.Н.* Средневековые монашеские consuetudines: проблема определения и классификации // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 7(129). URL: <https://history.jes.su/s207987840026928-9-1/> DOI: 10.18254/S207987840026928-9. (Перечень ВАК, WoS).

В других научных изданиях:

4. *Аникьев И.И., Мастяева И.Н.* О том, как новициям надлежит стирать. Отрывок из *Ordo Cluniacensis* монаха Бернарда Клунийского / Пер. с лат., комм. И.И. Аникьева,

И.Н. Мастяевой // Шесть переводов, полезных для изучения повседневности западноевропейского города / Ред. П.Ю. Уваров, А.А. Анисимова. Приложение к журналу «Средние века». Вып. 13. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 13–17.

5. *Мастяева И.Н.* Новициат в Клуни во второй половине XI в. (по «Ordo cluniacensis» Бернарда Клунийского) // Проблемы истории и культуры средневекового общества. Материалы XLII всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. А.Ю. Прокопьева. СПб: ООО «Скифия-Принт», 2023. С. 310–320 (РИНЦ).

6. *Мастяева И.Н.* Идеал уставной жизни Петра Целлийского (По трактату «О правилах жизни в клуатре») // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. 2024. №3. С. 164–167 (РИНЦ).

7. *Аникьев И.И., Мастяева И.Н.* «Оставь водянистый вкус Геликона...» – Филипп Харвенгский о пользе правильного образования / Пер. с лат., комм. И.И. Аникьева, И.Н. Мастяевой // Школа, университет, образование в Европе XII–XVII веков / Под ред. П.Ю. Уварова, Н.И. Алтуховой. Приложение к журналу «Средние века». Вып. 15. М., Институт всеобщей истории РАН, 2024. С. 13–37.